

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем Кочеровский

ПРИЕМНЫЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К75

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 238

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Кочеровский, Артем
К75 Приемный: роман / Артем Кочеровский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 352 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-146086-0

Судьба была неблагоприятна к нему с самого детства. Отказ родителей, жизнь в интернате, жестокость детей и быстрое взросление. Ему исполнилось двенадцать. Ритуал высвобождения энергии подарил детям энергию и способности, а ему — болезнь и клеймо в виде унижительного прозвища. В шестнадцать забрезжил свет надежды, но также быстро погас, выбросив его на улицы города. Едва ли подросток без энергии способен прожить там дольше недели, но... Что, если его отличие от других только на первый взгляд кажется изъяном?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-146086-0

© Артем Кочеровский, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

РИТУАЛ ВЫСВОБОЖДЕНИЯ

В двенадцать лет каждый ребёнок проходит через ритуал высвобождения. Готовятся к нему заранее. Одни родители водят ребёнка к психологу, другие — отдают на занятия йогой, третьи, как правило напористые папаши, тащат детей в тренажёрный зал, надеясь, что их физическая крепость повлияет на исход высвобождения. Ну не бред ли?

Пусть учёные до сих пор не разобрались в природе энергии, но почему бы не поверить статистике? Статистика уже миллионы раз доказала, что вид высвобождаемой энергии никак не связан ни с крепостью характера, ни с физической силой.

С другой стороны, ритуал высвобождения — не самая приятная процедура. Мало того что ребёнок испытывает боль, так иногда за болью следует разочарование. К примеру, один ребёнок хотел получить энергию воздействия, а получил — сохранения. И наоборот. В таком случае опека родителей не будет лишней, да и мнимая надежда не помешает. По той же причине в день высвобождения энергии родители дарят детям подарки —

возмещают страдания. Я бы тоже не отказался от подарка, но в интернате всё по-другому...

Мне было двенадцать с половиной. Я и все мои одноклассники доросли до возраста высвобождения, за исключением Окурка. Ему двенадцать лет исполнялось только во втором полугодии, и всем нам приходилось ждать, потому как Возвышенный приезжал только раз в год и проводил общий ритуал для всего класса.

Двадцать девять человек сгорали от нетерпения пройти ритуал и косо поглядывали на Окурка — Быкова Антона. Парень провинился в том, что родился позже остальных. Этого было достаточно, чтобы его возненавидеть.

До одиннадцати лет Антоха ладил с ребятами и даже нашёл себе место в отряде, но чёртов поздний день рождения всё испортил. Первый месяц над ним подшучивали, второй — укоризненно смотрели и обговаривали, в третий — задирали. В конечном счёте Быкова прозвали Бычком, а после — Окурком. Он и оглянуться не успел, как в столовой его отсадили за стол для изгоев и определили лохом.

День, когда Окурку исполнилось двенадцать, праздновали всем классом. Всем было плевать на Антоху, просто воспитательница сказала, что в этот день приедет Возвышенный.

То был отличный день. Светило солнце, по небу плыли редкие облака, пахло цветущей сиренью. На задний двор мы вышли в чистой и выглаженной школьной форме. Никто не гонял мяч и не висел на турниках.

Представляя себя шишками крутых кланов, мы медленно расхаживали по площадке, сунув руки в брюки и поправляя пиджаки. Каждый из нас мечтал получить способности и воображал, как круто изменится его жизнь. Напускное спокойствие испарилось, когда на задний двор выбежала воспитательница и дрожащим голосом произнесла:

— Приехал...

На площадке воцарился настоящий хаос. Нас просили успокоиться, но успокоиться не получилось. С минуты на минуту мы должны были получить силы и ломанулись в двери. Воспитательница попробовала нас остановить. Но не тут-то было. Мы протащили её через весь коридор и по инерции затолкали в актальный зал.

Про отрепетированную расстановку никто не вспомнил, и вместо трёх рядов мы сбились в один, потому как все хотели стоять ближе к Возвышенному.

Возвышенный приезжал в интернат каждый год, но прежде я никогда не задумывался о том, как он выглядит. Думаю, я ожидал увидеть старика в монашеской рясе с длинной бородой. Но ритмичный стук каблуков, что доносился из коридора, не вязался с моим представлением.

Бороды у него не было. Молодой. Монашеской рясе предпочитал приталенный чёрный костюм. Увидев Возвышенного, охнул не только я, но и остальные двадцать девять ртов. Он точь-в-точь походил на тех крутых парней из элитных кланов, о которых мы так много читали в комиксах. Высокий, короткие волосы, худое

лицо с острыми скулами, идеальная осанка. Его взгляд — испепеляющий лазер, движения плеч — смертельная грация, стук каблуков — приговор.

Секунду назад мы галдели, били друг друга в плечи и боролись за лучшие места впереди, но спустя миг замерли, не в силах пошевелиться. Он вошёл в центр зала и встал перед нами.

Возвышенный смотрел на нас, как на взрослых. Скользил взглядом, натёкался на ребёнка, но не одаривал его милостивой улыбкой, как это делали десятки других людей, выступающих в зале, а устанавливал контакт. Испытав такой взгляд на себе, я напрягся. И почувствовал крайнее облегчение, когда взгляд проследовал дальше.

У двери в актёрский зал скопились воспитатели и директор. По какой-то причине они не успели занять свои места и уже не решались проскочить, чтобы не попадаться на глаза столь важному гостю.

Возвышенный расставил ноги на ширину плеч и на секунду прикрыл глаза. В следующий миг вокруг его тела подсветилась красная аура.

— Приготовьтесь, — сухо сказал он.

Помню, как он выпустил из рук красную волну, которая подобно морской, прокатилась по залу, обдавая нас с ног до головы теплом. Я закрыл глаза и сжал кулаки. Приготовился терпеть боль, но боли не последовало. В груди едва заметно запекло, чего я совсем не ожидал. И этим нас пугали старшеклассники? Таких ритуалов я хоть пять штук выдержу! Вскоре тепло исчезло, и я с ужасом осознал, что чувствовал не свою энергию, а энергию, оставшуюся от волны Возвышенного.

Открыл глаза. Двадцать девять моих одноклассников раскачивались и тряслись, словно молодые деревья под напором ураганного ветра. Они корчились от боли, краснели и пускали слюни. Не прошло и минуты, как они застелили пол в актовом зале своими телами.

Не понимая, что происходит, я посмотрел сначала на воспитателей, а затем — на Возвышенного. Волна прошла мимо меня? Или её было недостаточно? Можно ли повторить ритуал?

Возвышенный встретился со мной взглядом, пожал плечами и пошёл к выходу. Я хотел догнать его, но меня остановила острая боль в висках. Она продлилась всего секунду, после чего закружилась голова и затуманилось зрение. Я сделал шаг и чуть не упал. Со зрением стало совсем плохо. Всё казалось чересчур резким. Любой угол, рельеф или изгиб бросался в глаза. Сфокусировав зрение на одном предмете, я не видел остальные, а стоило посмотреть вдаль, как скоп всех предметов разом атаковал меня, будто сотни вспышек фотоаппаратов.

Собравшись с силами и сощурив глаза до миллиметровой щелочки, я посмотрел на воспитательниц. Это было непросто, но я различил сочувствующий взгляд Кати, а затем и прочитал сказанное ею по губам:

— Бракованный...

***

День высвобождения энергии поставил на моей жизни крест. Немногие воспитанники ин-

тернатив могут похвастаться светлым будущим. Лишь единицам удаётся найти своё место в жизни и добиться успеха, но без энергии это... Это как инвалиду соревноваться с олимпийцами.

К слову, я оказался первым бракованным ребёнком за всю историю работы интерната, а детей в этих стенах воспитывали больше сотни лет. Брак случался столь редко, что в общей статистике случаев его даже не отмечали отдельным графиком, а показывали припиской, где вероятность измерялась миллионными долями процента.

Беда не пришла одна. Если моих одноклассников ритуал пробуждения сделал сильнее и лучше, то меня — наоборот. Мало того что я не получил силы, так обзавёлся болезнью. Приступы с поломанным зрением случались нечасто, но, как правило, в самые неподходящие моменты. Стоило мне выйти из равновесия — разнервничаться, испугаться или разозлиться, как я терял контроль над глазами. Предметы становились слишком яркими, резкими и агрессивными. Глядя в таком состоянии на горочку разноцветных карандашей, мне казалось, что прямо передо мной горят бенгальские огни, взрывается салют и мерцает дуга от сварочного электрода.

Доктор обозвал мои приступы приступами паники и назначил маленькие коричневые таблетки, которые пахли травой и ничуть не помогали. Чтобы прекратить приступ, мне требовалось закрыть глаза и успокоиться. Но сказать легче, чем сделать. Приступы случались в моменты эмоциональных взрывов. Часто ли у меня получалось быстро успокоиться? Никогда.

Ждать, когда одноклассники и старшаки почувствуют превосходство, пришлось недолго. Первое время они делали вид, что сочувствуют. Хлопали по плечу и подбадривали, но мало-помалу защитная аура «неудачника» сошла на нет. Интернат — не то место, где жалеют слабых. Не прошло и месяца, как я услышал дерзость от тех, кто раньше меня боялся, и отстранённость в словах бывших друзей. Тучи сгущались, и я не видел просвета, потому как была ещё одна проблема...

Энергия раскладывалась на много подвидов, но, если не вдаваться в детали, то выделить можно два основных: энергия воздействия и энергия сохранения. В народе её называли просто — красная и зелёная. Многие родители хотели иметь детей с определенной энергией. Быть уверенными, что их чадо продолжит семейное дело или закроет брешь. Будущие семьи присматривались к детям заранее, дожидались ритуала высвобождения и только после этого делали свой выбор в пользу того или иного ребёнка. Я, как и все, ждал двенадцати лет и намеревался уйти в семью. Но клеймо бракованного наглухо закрыло двери в счастливый мир.

И что же делать дальше? Обычно парни, которых до шестнадцати лет не забирали в семьи, убегали. Некоторым удавалось найти работу или прибиться к мелкой шайке. Этот вариант я тоже не рассматривал. Зачем кому-то делиться со мной едой и кровом, если даже с возрастом я не отплачу делом? В конечном счете мне ничего не оставалось, кроме как расти, ждать наступления совершеннолетия и бояться будущего...

Глава 2

БРАКОВАННЫЙ

Итак, в двенадцать лет мои сверстники получили способности, а я — нет. Из этого можно было сделать вывод, что в скором времени я стану новым Окурком. На Антона злились из-за позднего дня рождения, меня же презирали из-за отсутствие силы. Характер негатива неважен, итог один — рано или поздно кто-то захочет ударить меня в лицо. Почему? Потому что может.

Раньше меня называли Данил, Даня, ну или по фамилии — Огинский. Теперь же в коридорах всё чаще звучало Бракованный. Пока я слышал это только за спиной, но то было вопросом времени.

Понимая, что моя репутация, а значит и жизнь, катятся в помойку, я встал перед выбором — сдаться и потонуть под волной проблем или ещё побарахтаться. Интернат давал детям хреновое образование, но неплохие жизненные уроки. Один я выучил особенно хорошо. Сдаться — никогда не поздно, но прежде убедись, что сделал всё возможное.

Вместо того чтобы распускать нюни и цепляться за отвернувшихся друзей, я пошел...

в спортзал. Именно. В отличие от моих сверстников, которые использовали интернет как место, где можно выложить фотки, попереписываться и посмотреть женские прелести, я иногда читал образовательные статьи. И потому знал: энергия, что высвобождается в теле сразу после ритуала, слишком слабая и почти не делает человека сильнее. Ребятам перепало по парочке аур и способностей, но на первых порах они были ничем иным, как просто фокусами.

Энергия развивалась либо с возрастом, либо с постоянной практикой, а так как занятий по развитию энергии в интернате не было, значит, оставалось только время. Его-то я и собирался притормозить. Если усиленно заниматься, наращивать мышечную массу и тренировать выносливость, то какое-то время я буду идти с ними вровень.

Природа не наделила меня крепостью и массой. Среднего роста, но жилистый. Так говорил физрук. Тем не менее с должной мотивацией, коей у меня было хоть отбавляй, я быстро освоился на турниках, брусьях и гимнастических кольцах. Отжимания по утрам стали такой же нормой, как чистка зубов, а пробежки — вторым завтраком.

Два года жизни после высвобождения энергии прошли... хорошо. По правде сказать, их можно было назвать моим триумфом. Я не только отбил от нападков сверстников, но и укрепил свой авторитет. По-прежнему держал за собой место в столовой и не позволял называть себя Бракованным. Была пара старшаков, но те грубили не только в мою сторону. Терпимо.

Пока ребята светили друг перед другом способностями и мерились аурами, я закалял тело и дух. Примерно раз в месяц находился смельчак, который бросал мне вызов. Сбивал на футболе, подрезал в коридоре или якобы случайно скидывал со стола тетради. На такие выпады я отвечал жёстко. Не обращая внимания на пафос и красное свечение, бил в лицо и осаживал на задницу. Потому как знал — стоит дать слабину, и они насядут так, что уже не вывезешь.

Натренированное тело ни разу меня не подводило. Чего не скажешь про приступы. Любой конфликт вёл за собой эмоциональный всплеск. Раз на раз не приходилось. В прошлом месяце, когда я сцепился с Серёгой, приступ прошёл едва начавшись. А в следующем месяце я рисковал получить от задохлика Вани, потому что почти ослеп, когда началась потасовка.

В интернете про свою болезнь я ничего не нашёл. Хотя нет. Я нашёл много всего, но, если бы принял на свой счёт хоть один процент от прочитанного, мог бы смело сдаваться в психушку. Дабы не погрязнуть в сомнениях, я отметал всё, что хоть немного отличалось симптоматикой. И в конечном счёте вычеркнул все болезни. Поиски чудо-лекарства закончились неудачей. Вместо этого я взял на вооружение приём, который помогал при любых эмоциональных всплесках — посчитать до десяти. Удивительно, но этот простой приём в корне изменил моё представление о болезни.

Несмотря на мои успехи, ведь я отбивал одно нападение за другим, будь оно словесное или физиче-

ское, я всегда чувствовал угрозу. И это не было паранойей. Не просто же так половина всех конфликтов в нашем классе проходила с моим участием? Меня уважали, побаивались, относились настороженно, но это не отменяло того факта, что я... Бракованный. Я походил на смертельно раненного льва, вокруг которого крутились гиены. Они не осмеливались вызвать льва на честный поединок, но покусывали за лапы и проверяли, как долго он ещё продержится.

* * *

В среду последним уроком была физкультура. Мы размялись, сдали норматив на стометровку, оставшееся время играли в футбол. Время вышло, и физрук выгнал нас с площадки. Понимая, что спешить на следующий урок нам не нужно, мы побрели в раздевалку.

За два года я привык чувствовать прессинг и давление. Свыкся. Как влюблённый в любое время дня и ночи посвящал часть мыслей своей избранной или спортсмены раз за разом прокручивали в голове триумф будущих побед, так я думал о защите. Мысли стали незаметными и ненавязчивыми, будто программа, которая работала в фоновом режиме.

Со временем я составил для себя список мест и ситуаций, где вероятность конфликта возрастала. Раздевалка была таким местом. Спортивная одежда вместо школьной формы, удобная обувь, физические нагрузки и горечь в теле. Атмосфера способствовала.